

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

Об одном неожиданном результате борьбы с фальсификациями истории

Как гласит народная мудрость, жизнь богаче всякого воображения. Книга, которую я долго искал и приобрел так в академической книжной лавке историков, расположенной в Российском государственном архиве социально-политической истории, была ожидаема многими отечественными историками. Но результат поисков превзошел все мои ожидания.

Речь идет о труде, выпущенном к 70-летию начала Второй мировой войны крупнейшим нашим национальным академическим центром по изучению отечественной истории — Институтом российской истории РАН. Эта рецензия объясняет, в частности, почему книгу, изданную в 2009 году, мне удалось отыскать спустя несколько лет.

Собственно, сам факт появления подобного издания — совершенно закономерен. Ревизия итогов Второй мировой войны становится в последнее время все более масштабной и изощренной. С помощью умелых интерпретаторов Советский Союз

К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии.

Колл. моногр.

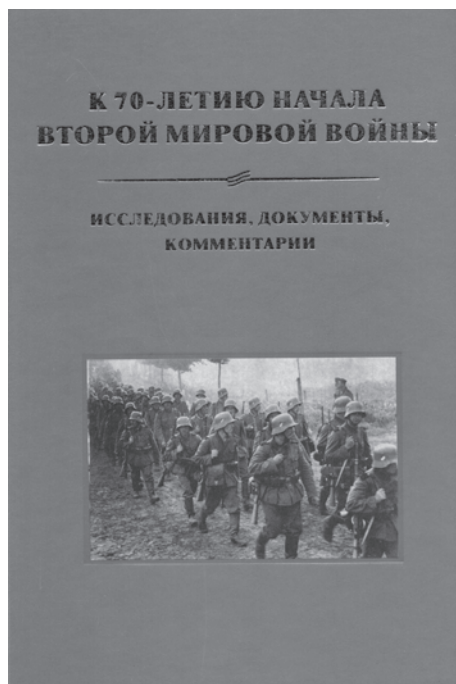
Авт. колл.: А. Н. Сахаров,

В. С. Христофоров,

Ю. Л. Дьяков, Л. П. Колодникова,

Т. С. Бушуева, А. В. Серегин.

М., Изд-во ИРИ РАН, 2009. 488 с.

на наших глазах стремительно превращается из державы — победительницы над европейским и мировым фашизмом в державу-агрессора, развязавшего мировую бойню в ущерб своему народу и другим народам «угнетенной Европы». Договор СССР и Германии о ненападении, переименованный в так называемый пакт Молотова — Риббентропа, некоторыми «историками» преподносится сегодня как соглашение двух диктаторов о начале мировой войны; советизация трех прибалтийских республик трактуется как «оккупация»; а освобождение от фашистских захватчиков стран Восточной Европы советскими воинами — как опускание «железного занавеса».

Для людей, профессионально занимающихся историей, ситуация до

очевидности возмутительна. По сути дела, история задействована в качестве политического ресурса, предназначенного для глубокой деформации нашей исторической памяти — того немногочисленного, что наравне с русским языком объединяет нас в один

народ. Немногого — но достаточно крепкого и богатого: ведь наша Победа была и общей, и великой.

Современные «исследователи» недавней истории в своем стремлении выдать светлое за темное, а темное за светлое стараются без устали. Политический — если не сказать идеологический — подтекст этих стараний очевиден; очевидны и методы, которыми оперируют эти «исследователи». Главный из них — подтасовка фактов (как в случае с переименованием договора между СССР и Германией в пакт), замалчивание хорошо известного прежде (например, всех попыток Советской России заключить коллективные договоры безопасности в 1930-е годы или осуждения советским руководством мюнхенского сговора, или агрессивного вторжения Польши в Чехословакию) и раздувание до вселенских масштабов какого-то незначительного события (как, скажем, проводов лично Сталиным японского дипломата на Белорусский вокзал).

Тем отраднее выглядит присутствие на титульном листе книги информации, что издание подготовлено при содействии Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

В своем обращении к читателям председатель Комиссии С. Е. Нарышкин безукоризненно формулирует задачу, стоящую перед российскими историками: «...сегодня события вокруг начала Второй мировой войны становятся ареной новых исторических баталий. Откровенные недруги нашей страны пытаются переписать историю, пересмотреть итоги войны за счет интересов России. История становится аргументом политического давления и заложником некоторых политиков, не стесняющихся прибегать к откровенной лжи и фальсификации» (С. 1).

Но безукоризненность, пожалуй, и заканчивается процитированным «Обращением к читателям». Дальше слово берут собственно авторы монографии, и именно об этом пойдет речь.

Авторский коллектив (если это был коллектив) составили очень разные специалисты, и столь же разными оказались подготовленные ими разделы книги. Нач-

ну с текстов В. С. Христофорова, доктора юридических наук, главного научного сотрудника ИРИ РАН, руководителя Центра публикации источников по истории XX века. Он же — генерал-лейтенант ФСБ, начальник Управления регистрации и архивных фондов (УРАФ) ФСБ России. Перу В. С. Христофорова принадлежат главы 1 («Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера к войне») и 8 («Советско-финская война глазами работников госбезопасности особых отделов НКВД»). Именно эта глава не вызывает вопросов: она построена на документах особых отделов Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, хранящихся в фондах Центрального архива ФСБ РФ, насыщена конкретными фактическими материалами, что в целом соответствует заявленной цели.

Иное дело — содержание главы 1. Здесь обращает на себя внимание некоторая односторонность фактической базы исследования. Дело в том, что в основу этой главы положены документы (в том числе и иностранные, переведенные на русский язык), которые публиковались в период с 1948-го по 2005 год в СССР—РФ. Из не опубликованных ранее материалов представлены некоторые из хранящихся в фондах ЦА ФСБ РФ, а также в Архиве Президента РФ (бывший Архив ЦК КПСС). Документы из МИД Франции, Великобритании и США, не известные русскоязычным читателям, оставлены без внимания. Именно поэтому основой для выводов о позиции глав зарубежных государств становятся почти исключительно донесения советской разведки (см., например, С. 35—38), что делает эти выводы несколько односторонними. Второй недостаток — полное игнорирование поистине колоссальной зарубежной историографии вопроса.

Главы 2, 9 и 10 написаны Ю. Л. Дьяковым, ведущим научным сотрудником ИРИ РАН, доктором исторических наук. Главы 3, 4, 5 — Т. С. Бушуевой, ведущим научным сотрудником ИРИ РАН, кандидатом исторических наук. Все они выдержаны в несколько странном, я бы сказал, показательно-нейтральном, тоне; они представляют собой изложение фактического материала, лишённого какой бы то ни было

содержательной новизны. Основу этих глав составляют документы Российского государственного военного архива (РГВА), в меньшей степени — ранее публиковавшиеся материалы. С таким подходом можно согласиться применительно к главе 3, посвященной конфликту 1939 года у реки Халхин-Гол, и главе 5, где описано вступление Красной армии в Западную Белоруссию и на Западную Украину, поскольку именно в РГВА сосредоточены документы по истории Красной армии 1918—1941 годов. Но что касается главы 4, которая посвящена договору о ненападении от 23 августа 1939 года, то налицо явная «недоработка». Заинтриговав публику вопросом «Была ли ситуация неразрешимой?», Т. С. Бушуева так и не дает на него ответа, оставляя своего читателя наедине со множеством слабо проанализированных фактов. А ведь именно эта глава могла оказаться едва ли не самой сенсационной в книге! Впрочем так же, как в главе 1, написанной В. С. Христофоровым, в ней ощущается явный недостаток зарубежных материалов — как собственно документов, так и их интерпретации в научной литературе.

Такое же впечатление оставляют написанные Ю. Л. Дьяковым главы, посвященные подготовке страны к будущей войне (глава 2), Советско-финляндской войне (глава 9) и присоединению Прибалтики (глава 10, в соавторстве с Л. П. Колодниковой). И если к достоинствам главы 9 можно отнести включенный в нее обширный обзор источников и литературы по истории «Зимней войны», в том числе зарубежных (см. С. 364—390), то глава 10 не содержит даже материалов РГВА. Она основана на общеизвестных фактах и интересна лишь с той точки зрения, что здесь сделана слабая попытка показать сложность ситуации 1940 года и сделать вывод о «неправомерности обвинений в адрес лишь одной стороны — советской» (С. 407).

Глава 7, посвященная политике «великих» и «малых» держав в финляндскую войну, написана Л. П. Колодниковой — кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником ИРИ РАН. В ней представлена весьма обширная фактология — прежде всего не публиковавшиеся ранее документы из фондов РГВА и Рос-

сийского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Анализ этих документов приводит автора к выводу, что позиция финляндской стороны в ходе переговоров ноября 1939 года вовсе не была столь «железобетонной», как это пыталась представить сталинская пропаганда. В частности, финны были готовы уступить «десятки километров территории около Ленинграда и острова Суурсаари, Лавансаари, Сейскари и другие, более мелкие, в обмен на территории в Северной Карелии» (С. 290). Камнем преткновения стал только полуостров Ханко (легендарный Гангут), который финляндское правительство категорически отказывалось передать для создания военно-морской базы. Вполне вероятно, что и здесь удалось бы договориться. Но Сталин спешил — и результаты известны.

Собранные Л. П. Колодниковой документы показывают, что спешка Сталина могла иметь целый ряд серьезных причин: во-первых, уникальность сложившейся политической ситуации (начавшаяся война на какое-то время притупила интерес Германии, Англии и Франции к Советскому Союзу); во-вторых, значение для военной мощи страны ленинградской оборонной промышленности; а в-третьих — роль Ленинграда как важного государственного символа. Последний фактор, по всей видимости, имел для Сталина решающее значение. Говоря его словами, «прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское — это значит дать довольно серьезную базу внутри страны против советской власти» (*там же*).

Особый интерес представляет в этой главе раздел, посвященный истории пленных красноармейцев (см. С. 306—311). Вот лишь некоторые из приведенных там фактов. После обмена военнопленными с финнами, советских военнопленных перевезли в Южский фильтрационный лагерь (Ивановская область). Из 5175 красноармейцев и 293 человек начальствующего состава 344 человека были изблечены как шпионы (из них 232 человека — приговорены к расстрелу), 4354 человека, «на которых нет достаточно материала для предания суду», были заключены в лагерь на сроки

от 5 до 8 лет, и лишь 450 человек (менее 10 процентов!) были освобождены и возвращены в распоряжение Наркомата обороны (см. С. 308—309). И это при том, что, вопреки международным обязательствам Финляндии в отношении военнопленных, все попавшие в финский плен красноармейцы подвергались там изощренным издевательствам (особенно — коммунисты и комсомольцы; политработники подлежали расстрелу сразу). Такая вот «прелюдия» к судьбам участников Великой Отечественной войны...

Но особое место занимают в книге главы 6 и 11, написанные А. Н. Сахаровым — членом-корреспондентом РАН, до 2010 года возглавлявшим Институт российской истории РАН, ныне — советником РАН. Небезынтересно отметить, что с 1974-го по 1984 год А. Н. Сахаров был главным редактором Госкомиздата СССР. Пожалуй, эти главы служат идейным стержнем всей рецензируемой монографии.

Специалист по истории дипломатии (но эпохи Киевской Руси!) известный скептическим отношением к «архивным крысам», старый партийный работник предпочитает «мыслить масштабно», не размениваясь на мелочи, давать предельно общие политические оценки. Это его предпочтение ярко проявилось и здесь — применительно и к оценке Советско-финляндской войны (глава 6; на весь текст — единственная сноска, да и та — на статью самого автора), и международной ситуации военного времени в целом (глава 11). Похоже, автор решил, что именно эта тема освобождает настоящего историка от необходимости сидеть в архивах и дает простор для «полета мысли». Что же в итоге?

Позволю себе не останавливаться на общей характеристике сталинского «революционно-тоталитарного» режима (см. С. 413—415), которую А. Н. Сахаров посчитал нужным включить в раздел по истории дипломатии. Однако нельзя пройти мимо «революционно-гегемонистской линии СССР во Второй мировой войне» (С. 418 и далее). По существу, автор повторяет доводы главных фальсификаторов истории, утверждая, что с самого начала войны целью сталинского руководства было совершение мировой революции, условия для

которой будто бы эта война создавала. Но если такого рода планы и вынашивались, то разве могли они затеряться в массиве исторических документов и в обширнейшей военной мемуаристике как иголка в стоге сена?! Всякого рода кивки на показательные оговорки «руководителей партии и правительства» в устных выступлениях перед армией, «партийно-комсомольским активом» и т. п. — это не аргумент для историка. Ни для кого не секрет, что высшие советские руководители, включая самого Сталина, — активные участники Октябрьской революции и Гражданской войны, и им не были чужды свойственные той эпохе мечтания о коммунистическом «мировом пожаре». Однако *прекраснодушные мечтания и идеологические штампы* — это одно, а *конкретные планы* — это совсем другое. Если бы эти планы существовали, то они должны были иметь такой масштаб, требовать привлечения таких огромных сил и средств — да еще и в разных странах мира, — что попросту не могли бы не оставить след в архивах!

Для противников нашей страны доказательство наличия таких планов важно потому, что это позволило бы представить Сталина таким же агрессором, как и Гитлер, возложить на них равную ответственность за разжигание Второй мировой. Не странно ли, что на эту мельницу — в книге с предисловием председателя Комиссии при Президенте России по противодействию попыткам фальсификации истории — льет воду А. Н. Сахаров, рассуждающий о «революционно-мессианских претензиях советского руководства»!

Между тем — и это подчеркивали все противники Сталина, включая Троцкого, — не военно-политическая мощь СССР оказалась поставлена на службу мировому революционному движению, а наоборот — именно оно было превращено не только в заложника, но и в орудие сталинской политики (со всем ее цинизмом и прагматизмом). Особенно четко это проявилось в период с 23 августа 1939-го по 22 июня 1941 года, когда зарубежные коммунисты официально ориентировались на действия не против Гитлера, но против западных демократий. С возникавшими же при этом моральными и человеческими издержками

Сталин, как водится, не считался, чему есть множество примеров.

Другое удивительное «открытие» автора в главе 11, — это тезис о «советско-германском союзе» (см. С. 424, 426 и др., а также подпись к одной из фотографий на вкладке: «Вермахт и Красная Армия — пока союзники. 1939 г.»). Однако историческому сообществу, к которому причисляет себя А. Н. Сахаров, прекрасно известно, что Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года не был *договором о союзе* — даже с учетом секретного протокола. Международное право содержит четкие критерии на этот счет, и при всем желании правовая природа советско-германских отношений — таких, какими они были с августа 1939-го по июнь 1941 года, — не может быть квалифицирована в терминах союзничества. Иная точка зрения требует развернутого обоснования, отсутствующего в главе 9, написанной историком А. Н. Сахаровым¹.

Если попытаться передать общее впечатление от монографии, то можно сказать, что она обрушивает на читателя «винегрет» авторских точек, не стыкующихся между собой, которые разнородны не только по принципиальным позициям, но даже по уровню аргументации.

К этому хотелось бы добавить, что, перечитывая эту книгу, я никак не мог взять

в толк, почему столь странным образом оформлен составляющий ее текст. Отдельные слова и их сочетания подчеркнуты — без всяких на то оснований. Зачем, скажем, нужно подчеркивать слово «Сталин»? Почему, будучи подчеркнуто в одних местах, оно не подчеркивается в других? Зачем нужно подчеркивать выражение «в правом уклоне»?

Огорчительная разгадка пришла не сразу. Как оказалось, часть текста попросту была скопирована из Википедии. Да, да — из Интернета! Автор, претендующий на звание историка, взял и позаимствовал некоторые «свои рассуждения» из глобальной паутины. Автор этот — уже упомянутый Ю. Л. Дьяков. И здесь стоит вспомнить о главной его книге, изданной в 1992 году в соавторстве с супругой Т. С. Бушуевой (она также входит в авторский коллектив рецензируемой монографии) под красноречивым названием «Фашистский меч ковался в СССР»². В ней, в частности, утверждалось: «Но настало время сказать народу горькую правду о том, что у нас в стране свирепствовал самый настоящий фашизм и что одной из причин развязывания второй мировой войны являлся тоталитаризм, овладевший судьбами народов СССР и Германии. Причем гитлеровский фашизм был во многом порождением сталинского»³.

¹ Концепция так называемого советско-германского союза восходит к работам Л. Д. Троцкого, написанным в конце 1939-го — начале 1940 года. О многом говорят уже сами их названия: «Германо-советский союз», «Сталин — интендант Гитлера», «Гитлер и Сталин» и др. Клеймя «тоталитарный режим сталинского или фашистского образца», Троцкий после заключения пакта от 23 августа 1939 года подчеркивал, что «поведение Москвы, перешедшее все границы подлости и цинизма, вызывает бешеное возмущение у каждого революционного пролетария». В конечном итоге он приходил к выводу, согласно которому, хотя «общие причины войны заложены в непримиримых противоречиях мирового империализма», «непосредственным толчком к открытию военных действий явилось заключение советско-германского пакта».

Эти оценки Л. Д. Троцкого, разумеется, заслуживают внимания. И в силу незаурядности его личности, и в силу признания той роли, которую троцкизм сыграл в истории мировой общественно-политической мысли XX века, повлияв на становление самых разных ее течений — от маоизма и еврокоммунизма до американского неоконсерватизма. Не случайно эти оценки получили столь широкое распространение, что со временем превратились в общее место, не требующее ссылок на первоисточник, обрекаемый таким образом на забвение.

Однако, когда речь заходит о Сталине и его режиме (и не только применительно к внешней политике), следует все-таки помнить как минимум три вещи. Первое — ту роль, которую сам Троцкий сыграл в становлении основ системы, впоследствии ставшей столь ему ненавистной. Второе — моральный облик и ценностные ориентации самого лидера IV Интернационала (скажем прямо, далекие от общечеловеческих). И наконец, третье: применительно к событиям конца 1930-х годов Троцкого никак невозможно признать «независимым экспертом», отделив его заявления от сиюминутных потребностей политической борьбы. Привожу здесь перечень заслуживающих внимания работ Троцкого 1939—1940 годов: «Гитлер и Сталин»; «Бонапартизм, фашизм и война»; «Еще и еще раз о природе СССР»; «СССР в войне»; «Германо-советский союз»; «Сталин — интендант Гитлера» (см. www.revkom.com/index.htm?trotskii.htm).

² См. «Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922—1933. Неизвестные документы» (М., «Советская Россия», 1992) (англ. пер.: «Red Army and the Wehrmacht. How the Soviets militarized Germany, 1922—1933, and paved the way for fascism». N. Y., 1995; среди прочего здесь весьма интересна «ненавязчивая» подмена «рейхсвер» русского издания (*нем.* Reichswehr, обозначение немецкой армии в 1919—1935 годах) на «Wehrmacht» издания английского (название собственно гитлеровской армии 1935—1945 годов)).

³ Там же. С. 7.

Дальше — больше: «...знаем ли мы нашу историю так, что можем отразить ее правдиво и глубоко? Ответ у нас один: НЕ ЗНАЕМ И ПОКА НЕ МОЖЕМ...

Огорчительная разгадка
пришла не сразу. Как оказалось,
часть текста попросту была
скопирована из Википедии.
Да, да — из Интернета!

Научная общественность еще не способна не только к выдвижению новых идей и подходов, но и к их восприятию. Ученых, утративших творческий дух, большинство. Прогрессивно мыслящие несут потери⁴.

Что к этому добавить?..

Я в самом начале этой рецензии отметил, что безукоризненность рецензируемой книги заканчивается на последних словах вступительного слова С. Е. Нарышкина. Для

⁴ Там же.

исторической науки и борьбы с фальсификациями было бы, пожалуй, лучше, если бы дело ограничилось публикацией одного только его обращения к читателю — без всяких других «авторов».

В заключение приведу предложение, которым завершается злосчастная монография: «Бремя русского народа в новой тревожной ситуации начала XXI века — не дать миру покончить с собой» (С. 487). Лично я, перелистнув последнюю страницу этой книги (как теперь ясно, изъятой из продажи), несколько перефразировал: бремя русского народа в новой тревожной ситуации начала XXI века — не дать таким историкам покончить с его историческим самосознанием.

На момент сдачи номера в печать стало известно, что Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России ликвидирована. ◆